

УДК 82.34

РАЗУВАЛОВА Анна Ивановна, кандидат филологических наук, соискатель Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследований Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург). Автор 30 научных публикаций

ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА СИБИРИ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1950–1960-х годов¹

В статье рассматриваются специфика репрезентаций Сибири в русской прозе 1950–1960-х годов и их зависимость от идеологических приоритетов, которые провозглашались в разные исторические периоды (поздний сталинизм, «оттепель»). В центре исследовательского внимания – соцреалистические клише в изображении региона (ранняя проза С. Залыгина, В. Астафьева) и постепенный отказ от них, спор писателей с официальным образом Сибири, которая в конце 1950-х – 1960-е годы часто изображалась как край с бедной историко-культурной традицией, создаваемый усилиями молодых строителей. С точки зрения автора статьи, в трактовке «сибирской темы» представителями «деревенской прозы» (Залыгиным, Астафьевым, Распутиным) постепенно возникают характерно консервативные коннотации: писатели пытаются обосновывать ценность локального опыта и культуры, критиковать колонизаторское восприятие Сибири, полемизировать с фильмами и книгами, «экзотизирующими» регион. Кроме того, в 1960-е годы некоторые авторы (например, Распутин) начинают испытывать интерес к коренным сибирским народностям и их этнокультурным традициям, что следует понимать как одно из свидетельств разочарования в модернизационном проекте как таковом. Залыгин и Астафьев доказывают, что успешное промышленное освоение региона невозможно без понимания его исторических, климатических, социальных особенностей и без учета его экономических и культурных потребностей. Желание напомнить об интересах региона, которые могут отличаться от интересов центральных институтов, позволяет рассматривать взгляды писателей как продолжение некоторых идей сибирского областничества конца XIX – начала XX века. В итоге в прозе этих художников формируется онтологическая поэтика изображения сибирского пространства, которая оспаривает официальный лозунг «покорения» Сибири.

Ключевые слова: *соцреализм, «оттепель», «долгие 1970-е», модернизационный дискурс, деревенская проза, «сибирская тема», сибирское областничество.*

¹Статья написана в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом научного проекта № 14-14-24003.

© Разувалова А.И., 2015

Наши представления о том или ином регионе формируются во многом благодаря литературе. Разрабатывая определенные типы сюжетов и создавая сложную сеть метафор, литература в известном смысле конструирует читательское видение территории [1–3] и тем самым участвует в процессах ее символично-идеологического «освоения» и «присвоения»². В статье будут рассмотрены продолжавшаяся несколько десятилетий символическая традиционализация Сибири, а также культурно-идеологические контексты, в которых она стала возможной (имеется в виду усиление консервативных настроений в «долгие 1970-е»). При этом фраза «от новой Сибири к Сибири старой» есть не более чем приблизительное обозначение тенденции, которая обусловила логику переопределения территории. Прогрессистский дискурс, в рамках которого Сибирь представляла «страной молодости», и оппонирующий ему дискурс, напомиравший о древней истории края, взаимодействовали друг с другом, видоизменялись, поэтому традиционалистский образ Сибири, сложившийся в литературе к концу 1970-х, оказался внутренне неоднороден – он создавался разными интеллектуальными группами и соотносился с разными историко-культурными представлениями.

В данной статье будет проанализирован лишь один аспект означенной проблемы – задуманная и осуществленная писателями-сибиряками (С. Залыгиным, В. Астафьевым, В. Распутиным) реабилитация локальной идентичности в рамках регионально-областного проекта, который эти авторы пытались реанимировать в противовес централизму советского государственного устройства [4, с. 96–109]. Но «региональное», опосредованно связанное с заложеной Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным традицией сибирского областничества, далеко не сразу стало предметом рефлексии «неопочвенников». Фор-

мирование поэтики, нацеленной на превращение «локального» в «онтологическое», разработка аргументации, обосновывавшей ценность местного опыта, требовали времени и напрямую зависели от идеологического самоопределения художников. Наше внимание будет сосредоточено на «сибирской теме» в прозе и публицистике Астафьева, Залыгина, Распутина 1950–1960-х годов и возникновении при ее трактовке специфически консервативных коннотаций.

Принципы литературной репрезентации Сибири в советский период определялись официальным историческим мифом, потому прошлое и современность края, безразлично к жанровориторическим ограничениям, истолковывались в соответствии с дискурсом преобразования «медвежьих углов» революцией. В утверждении прогрессистско-просветительского (и имплицитно колонизаторского) дискурса советской культуры особую роль сыграли популярные жанры романа об освоении Сибири и инородцах (устойчивый комплекс мотивов, описывающих эволюцию сибирских аборигенных сообществ, Ю. Слёзкин выразительно назвал «Большим путешествием» [8, с. 329]), а также о Гражданской войне в регионе. Образ социалистической Сибири возникал здесь из комбинирования мотивов «старого» и «нового»: миру, возникавшему на глазах читателя, приписывалась собственная революционная традиция, уходившая корнями в глубь веков. Однако чаще всего Сибирь в культуре соцреализма трактовалась как кладовая природных и человеческих ресурсов, плодотворное освоение которых возможно в рамках инициированного центром, но подхваченного на местах модернизационного проекта. Как следствие, освоение территории уподоблялось не столько колонизационной деятельности, сколько созданию нового порядка жизни, представало актом чистого «первотворения», совершенного народом-демиургом [9].

²Идущее от К. Гирца понимание идеологии как способа ориентации в социальном пространстве определило теоретико-методологический подход А.Л. Зорина, исследовавшего в книге «Кормя двуглавого орла...» роль литературы в формировании и распространении геополитических концепций [5]. См. обсуждение эвристической ценности и ограничений, свойственных данному подходу [6, с. 174–183; 7, с. 470–554].

Характерное для соцреалистической эстетики акцентирование мифосмыслов ситуации «освоения» невозможно понять в изоляции от другого процесса – интеграции Сибири в символическое целое СССР и риторического упорядочивания «инаковости» различных районов страны. Точнее, дискурсивно-риторическая унификация регионов Советского Союза требовала не отмены различий, а изменения характера изображения локального материала: он должен был остаться территориально маркированным (т. е. читатель должен был опознавать в «семье народов» сибиряка, украинца, грузина, чукчу и т. п.), но региональные и этнокультурные характеристики следовало не усложнять и дифференцировать, а, напротив, делать максимально яркими, узнаваемыми. Не удивительно, что литературные приметы «регионального» стереотипизировались и функционально уподоблялись романтическому «местному колориту», включая типичную для последнего экзотизацию. К середине 1950-х годов образно-метафорический шаблон изображения Сибири воспроизводился подавляющим большинством литераторов. Например, в выступлении Г. Маркова, представлявшего Сибирь на II съезде советских писателей, говорилось об «обширном крае» с «безбрежными просторами» [10, с. 121], почти пустынном прежде, но ныне охваченном кипением жизни, пробуждающем энтузиазм строителей и воображение писателей. Размеры и «дикость», гарантировавшие исполинские масштабы перемен, вкупе с непосредственностью, «стихийностью» и некоторой «неотесанностью» местных жителей к тому времени стали несомненными идентификационными признаками литературной Сибири.

На II съезде Марков сообщил, что Сибирь к середине 1950-х тематически и организационно встроилась в проект советской культуры, предложенный Горьким 20 лет назад. Он потребовал от критиков раскрыть «факт огромного политического и культурного смысла» – «рост литературы в краях и областях» [10, с. 120]. Речь, разумеется, шла о литературе не сибирской, но советской, региональные варианты которой отличались друг от друга лишь «местным коло-

ритом». Литература Сибири – и выступление Маркова наглядно это демонстрирует – воспринималась прежде всего как институциональное образование и подразумевала под собой произведения авторов, связанных с местным отделением СП СССР и печатавшихся в основном в сибирских изданиях (наряду с этим говорилось о «теме Сибири», которая могла быть воплощена писателями, проживающими в других областях). Самосознание художника, «т. е. стремление ассоциировать свою деятельность с регионом, соотносить свою биографию с его исторической судьбой» [11, с. 14], которое современный исследователь считает главным критерием определения региональной словесности в качестве полноценного культурного объекта, советскими критиками в качестве системообразующего фактора не учитывалось вовсе, да и едва ли они располагали языком для осмысления подобной проблематики.

Начинающие писатели С. Залыгин (сборник «Северные рассказы», 1947) и В. Астафьев (сборник «До первой весны», 1953) также были не в состоянии на рубеже 1940–50-х выйти из-под власти формализованных сюжетно-стилевых ходов, диктовавших повороты «сибирской темы», и переосмыслить модернизаторский дискурс, задававший характер повествования о суровом, отдаленном крае. В этот период Сибирь оставалась для них темой, которая раскрывалась комбинированием готовых содержательных и риторических блоков. Хорошо зная регион, будучи тесно с ним связанными, начинающие авторы тем не менее использовали стандартные для описания сибирского/северного пространства приемы. Так, обязательным было упоминание об отдаленности края от центра. Обычно отдаленность в соцреалистических текстах признавалась важным хозяйственно-географическим фактором, воздействие которого тем не менее нейтрализовывалось идеологической близостью советских людей, преодолевавшей «пространства и простор». Контрастное сопряжение географической отдаленности и идейно-эмоциональной теплоты советского коллектива лежало в основе

рассказа Залыгина «На Большую землю» (1950)³. Герой рассказа Костя, живущий с родителями на метеостанции, хочет вступить в пионерскую дружину Саши Малышева – мальчика, с которым он однажды общался во время радиопереклички и чей голос символизирует для него мир вне Заполярья. Однако родителей мальчика командируют на работу в другое место. Отчаяние Кости от того, что он невольно нарушает свое обещание и не может ехать к Саше, улетучивается, когда новый начальник метеостанции пишет будущим одноклассникам героя письмо и заверяет их, что маленький поллярник – не обманщик, а верный и надежный друг. Оптимистический посыл этого детского рассказа показателен и для взрослой литературы соцреализма: расстояния и географическая отдаленность не имеют значения, поскольку причастность к территориально неограниченному сообществу советских людей является самым действенным инструментом сплочения.

В рассказе Астафьева «Тимкоуль» (1953) также воспроизведена антитеза окраины и центра, благополучно снятая развитием сюжета. Автор рассказывает о молодом эвенке, отправившемся в тундру собирать подписи охотников и оленеводов под Обращением Всемирного совета мира. Этот сюжетный ход сразу интегрирует северных аборигенов в большое сообщество – жаждающее мира «прогрессивное человечество» – и подчеркивает их причастность к «общему делу»: «...Мы здесь, у края земли, стоим на вахте мира»⁴. Герои рассказа осознают, что живут на краю мира, но связаны с центром, и именно центр воодушевляет их на подвиги. Примечательная деталь: Тимкоуль, застигнутый бураном в тундре, даже теряя сознание, думает о Москве и Сталине.

Характерный для описания Сибири романтический колорит ранним рассказам Астафьева и Залыгина сообщал мотив неукротимой природной мощи, требовавшей от человека выдержки и героизма. Речь в данном случае шла не только о характерной для культуры начала 1950-х годов теме организованного индустриального покорения природы, но и о традиционном романтическом противостоянии личности надличным, нечеловеческим стихиям. Герой рассказа Залыгина «Пик половодья» (1950) выдерживает схватку с рекой и спасает во время ледохода себя и друга⁵, астафьевский Тимкоуль едва не погибает в схватке со снежным бураном⁶ (близкая коллизия разыгрывается в залыгинском рассказе 1946 года «Оськин аргиш»⁷). Выраженное пока еще на языке соцреалистических клише переживание природы как самостоятельной, многократно превосходящей человека силы окажется потенциально наиболее продуктивным для становления экологической «философии» «деревенщиков» и концептуализации сибирского пространства в их зрелых произведениях.

Дальнейший выход за пределы соцреалистического канона изображения Сибири осуществлялся, с одной стороны, по мере деформации самого канона, которая пришлась на «оттепель», с другой стороны, по мере совершенствования литературного мастерства писателей. Изображение имперской периферии в культуре конца 1950-х – первой половины 1960-х годов было довольно популярным⁸, и по отношению к Сибири это утверждение более справедливо, чем по отношению к какой бы то ни было иной территории. Пространственная протяженность, суровость климата, богатые ресурсы превращали ее, по заме-

³Залыгин С.П. Северные рассказы. Новосибирск, 1950. С. 39–51.

⁴Астафьев В.П. До будущей весны. Молотов, 1953. С. 86.

⁵Залыгин С.П. Указ. соч. С. 10–12.

⁶Астафьев В.П. Указ. соч. С. 91–98.

⁷Залыгин С.П. Указ. соч. С. 22–26.

⁸Тем не менее топосы окраины идеологически были окрашены совершенно по-разному. А. Прохоров остроумно замечает, что Эстония в «Звездном билете» (1961) В. Аксёнова – это «анти-Сибирь» [14, с. 221].

чанию П. Вайля и А. Гениса, в идеальную стартовую площадку для закалки характера и построения подлинно человеческого социализма [12, с. 594]. В соответствии с логикой модернизационного рывка в литературе и кинематографе «оттепели» всячески акцентировались «дикость», т. е. до-культурное состояние осваиваемого пространства [9], и одновременно молодость строителей и обустраиваемой ими территории [13].

Весьма любопытным выглядит подключение к «оттепельной» риторической традиции В. Распутина. Впрочем, последняя к 1966 году – моменту публикации его книг «Костровые новые города» и «Край возле самого неба» – стала истощаться. Молодой журналист подобно Астафьеву и Залыгину начала 1950-х в тот период просто перенимает трафаретные сюжетно-стилевые решения «сибирской темы», но тем интереснее допускаемые им отступления от очерковых конвенций. В «Костровых новых городах» еще господствует пафос героизации преобразований, редкие протоэкологические мотивы (например, упоминание об ушедшем под землю Чистом Ключе или кедровнике, вырубаемом по маршруту прокладываемой трассы) выдержаны в нейтральной тональности. Заметно тяготение автора к изображению далеких, труднодоступных мест, куда, однако, добираются строители. Интерес к дальнему и заповедному находит своеобразное преломление в «Крае возле самого неба»⁹, где Распутин описывает модернизационные процессы в Тофаларии. Фабула большинства очерков построена по известным схемам: перед читателем разворачиваются жизненные истории, доказывающие необходимость и полезность для северного аборигена движения к новому. Но если отвлечься от предзаданности фабульного развития, то выяснится, что герои очерков, древнее племя тофаларов, значительно

больше занимают автора в качестве носителей традиционного сознания, а не объекта модернизации. Распутин-художника привлекает не их новая, условно говоря, советская с местным оттенком идентичность, а та, что сложилась под влиянием архаичных социальных форм. Северный инородец интересен автору прежде всего как Другой – древний (в противоположность современному), «природный» (в противовес урбанизированному), непостижимый в своих психологических глубинах по контрасту с доминирующей рациональностью типичных жителей «новых городов». Кульминации удивление Другим достигает в очерке «От солнца к солнцу», где повествователь делится ощущением охватившего его страха перед природной стихией (многодневными ливнями в Саянах) и воспроизводит контрастный собственному тип сознания. Так, тофалары, находящиеся в родственных отношениях¹⁰ с природой, не выделяющие себя из нее, совершенно иначе переживают погодный катаклизм: «Впрочем, для тофаларов эти страхи скорее всего и не существовали. <...> Он (тофалар Степан. – А. Р.) спокоен, и это спокойствие естественное, в нем нет ничего чужого, взятого напрокат. Кажется, захоти он, чтобы этот дождь кончился, и тот покорно подчинится, успокоится и иссякнет <...>. И я смотрю на Степана другими глазами. Для меня он властитель Саян, и все эти горы собрались здесь по его зову»¹¹.

В этом описании, как и в других очерках книги («Край возле самого неба», «Продолжение песни следует»), легко обнаружить следы позитивной ориентализации, а значит, колониальной оптики, характерной для изображения Сибири в период «оттепели»: например, тофалары «очень просты, отзывчивы, добры»¹², в то же время их внутренняя жизнь кажется повествователю непостижимой. В данном случае важны не добросовестная и вполне предсказуемая для

⁹Обычно литературоведы подчеркивают переломный характер этой книги в литературной карьере писателя [15, с. 164; 16, с. 41–53].

¹⁰Распутин В.Г. Край возле самого неба. Иркутск, 1966. С. 16.

¹¹Там же. С. 19.

¹²Там же. С. 6.

очеркистики 1960-х фиксация изменений в отдаленном районе Сибири¹³ и даже не внимание автора к экзотичному быту коренного северного народа, а стремление осмыслить присутствие древних, устойчивых форм в динамичных преобразовательских процессах.

Очерки Распутина были опубликованы в период, когда интерес к историческому прошлому страны и ее отдельных регионов, памятникам старины, культурной традиции и ее роли в процессах поддержания коллективной идентичности¹⁴ стал обретать массовый характер. Это позволяло внимательному наблюдателю диагностировать очередную «смену вех», которую ретроспективно применительно к «долгим 1970-м» можно назвать «консервативным поворотом». Если согласиться с Л.Г. Иониным, что «внимание к ландшафту, к территории, к месту – это и политически, и мировоззренчески мотивированное внимание; <...> элемент антиутопического, в конечном счете, антилиберального и антипрогрессистского движения в сторону консервативного понимания мира» [17, с. 125], то рефлексия Залыгиным, Астафьевым, Распутиным принципов литературного конструирования региона предстанет явлением, природу которого следует

толковать в более широком культурно-идеологическом контексте.

Распутин в «Крае возле самого неба» проявил интерес к темам, которые станут впоследствии маркером «неопочвеннических» прозы и публицистики. Однако ревизия «оттепельного» способа изображения Сибири и, как следствие, формирование новой традиционалистской идентичности, складывавшейся в отталкивании от «революционаристских» идеологием «шестидесятничества», начались раньше. В 1962 году Астафьев в журнале «Урал» публикует статью «Нет, алмазы на дороге не валяются», в которой, не называя имен писателей¹⁵, иронически отзывается о склонности так называемой геологической литературы к экзотизации сибирского пространства, о наивном схематизме «молодежной прозы», живописавшей новоявленных преобразователей края – строителей ГЭС¹⁶. Астафьевское желание написать «свою» Сибирь, реализованное в «Последнем поклоне», было продиктовано протестом против обесценивания истории места, с которым он был неразрывно связан. В 1974 году Астафьев сообщал актеру Е. Лебедеву, с которым познакомился в конце 1950-х во время приезда

¹³Распутин, несомненно, считался с существовавшими фабульными конвенциями и потому снабжал многие очерки инородными по отношению к основной части, как бы специально дописанными оптимистическими прогрессистскими финалами. Кроме этого, в книге есть и типичные для советского нарратива о северных инородцах очерки. Например, «Человек с этого света», повествующий о поездке старой тофаларки в Москву и навсегда изменившем ее жизнь посещении Мавзолея. См.: Распутин В.Г. Указ. соч. С. 14, 24–25, 58.

¹⁴Очевидной эта тенденция стала во «Владимирских проселках» (1957), «Капле росы» (1960), «Письмах из Русского музея» (1966) В. Солоухина, «Живом дереве искусства» (1967) Е. Дороша и других произведениях.

¹⁵Восстановить имена адресатов иронических откликов Астафьева не составляет труда. Это журналист В. Осипов, автор очерков «Тайна Сибирской платформы» (1958), посвященных открытию алмазоносных месторождений в Сибири. Книга Осипова имела большой успех у читателя и отчасти предопределила модный характер «геологической» темы. В 1959 году по очерку Осипова «Неотправленное письмо» режиссер М. Калатозов и оператор С. Урусевский сняли одноименный фильм, ставший квинтэссенцией символически-остраняющей поэтики изображения Сибири. Видимо, романтический пафос авторов очерков и фильма, пренебрегших образами жизнеподобия и бытовой конкретности, Астафьеву близок не был. Другой вероятный адресат выпадов прозаика – А. Кузнецов и его повесть «Продолжение легенды» (1957). Позиция героя повести, вчерашнего школьника, приехавшего на строительство Иркутской ГЭС и воспринимающего себя и своих товарищей в качестве проводников модернизационно-просветительских влияний в «дикой» Сибири, своим неявно «колонизаторским» посылом также могла вызвать у Астафьева раздражение.

¹⁶Астафьев В.П. Нет, алмазы на дороге не валяются // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск, 1997. Т. 12. С. 61–75.

бригады артистов на строительство Красноярской ГЭС, что именно тогда у него родилась мысль «написать повесть о [моей] Родине и родичах, дабы самонадеянным преобразователям и освоителям Сибири не казалось, что до них тут никто не жил. Жили!»¹⁷ Иначе говоря, интенционально восходящая к областничеству поэтика изображения Сибири в прозе Астафьева выросла из полемики с преобладавшим на рубеже 1950–60-х видением региона «извне»¹⁸. В литературе 1960-х астафьевский «Последний поклон» (1-я редакция – 1968 год) стал выражением многозначительных перемен: рядом с официальным историческим нарративом о Сибири, отражавшим «имперское» видение территории из центра, возник нарратив «индивидуализирующий», лирически-интимный, в каком-то смысле подчеркнуто «не-эпический», намеренно погруженный в повседневность крестьянской жизни и, что немаловажно, «старящий» Сибирь, историзирующий ее. Подобная позиция вроде бы и не отрицала советский исторический канон (революция, коллективизация, Великая Отечественная война по-прежнему определяли рамку жизни автобиографического героя и деревенского мира в целом), но вела к изменению привычных оценок, поскольку повествователю, чья точка зрения совмещалась с малым миром сибирской деревни, исторические перемены, идущие из большого мира, виделись разрушительными (окончательная редакция «Последнего поклона», сделанная уже в 1990-е, не оставляет в этом сомнений).

О внешней и внутренней точках зрения на сибирское пространство рассуждал С. Залыгин в очерке «Писатель и Сибирь» (1961). Он отмечал, что художественное освоение региона долгое время велось в основном в рамках путевого

очерка, особенно популярного у заезжих авторов (А.Н. Радищев, Н.Г. Гарин-Михайловский, В.Г. Короленко), в то время как уроженцы Сибири, связанные с ее культурной жизнью, «шли к сибирской повести, к роману»¹⁹. Жанр очерка, по Залыгину, приспособлен именно для взгляда на регион со стороны в отличие от повести, предполагающей доскональное знание местного материала. Такой взгляд на жанровые приоритеты и их соотношенность с местонахождением автора нуждался в проверке, но он давал Залыгину возможность проговорить значимую для него идею: «В ряде произведений достаточно заменить одни географические названия другими, исключить чисто внешние приметы <...> – и все, что мы называем в общем-то маловыразительным и далеко не всеобъемлющим словом “колорит”, в данном случае сибирский колорит, исчезнет без следа»²⁰. Вместе с тем сам Залыгин концептуализировал Сибирь как раз общепринятым способом: «инаковость» региона – производное от его «беспредельности»²¹. Правда, из традиционного отождествления Сибири с бескрайними просторами Залыгин извлек нетривиальные для начала 1960-х годов смыслы. Поначалу он с пиететом отозвался об освоении космического пространства Ю. Гагариным и Г. Титовым и продекларировал необходимость создания нового языка, способного выразить современное переживание раздвинувшихся границ, а потом заявил, что «экспериментальной базой» «для познания пространства суши»²² станет Сибирь. Взятое само по себе уподобление Сибири полигону, где воплощаются смелые индустриальные проекты, никак не расходилось с официальной риторикой. Однако по-настоящему ценным Залыгин считал не масштабы и темпы промышленного

¹⁷Астафьев В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001. Иркутск, 2009. С. 183.

¹⁸Там же. С. 74.

¹⁹Залыгин С.П. Писатель и Сибирь // Залыгин С.П. Интервью у самого себя. М., 1970. С. 82.

²⁰Там же. С. 83.

²¹Там же. С. 84.

²²Там же. С. 87.

строительства, а возможность обрести новый мировоззренческий опыт обживания огромной территории. Для этого, полагал он, нужно понять природу не в качестве объекта покорения, а «такой, какова она есть»²³, как бы изнутри, что изменит методы получения и применения экспертного знания, аналитику задуманных проектов. Парадокс рассуждений Залыгина состоял в том, что новый опыт, получаемый в Сибири при реализации смелых проектов, по сути своей должен стать консервативным, основанным на приспособлении к природе: «Мы как-то привыкли уже к тому, что в художественных произведениях наших тот герой безусловно положителен, который безусловно “за” какое-то строительство, “за” преобразование, а тот, кто “против”, – тот персонаж отрицательный. <...> Но проходит время, и мы понимаем, что нам нужна не всякая ГЭС, не всякое преобразование природы, не всякий завод или фабрика. И вот уже не исключено, что положительный герой может быть против строительства какой-то ГЭС»²⁴. Статья, начатая с размышлений об ограниченности постороннего взгляда на Сибирь, закончилась обоснованием универсальных принципов консервативной экологической этики. Областнический подход, отстаивающий право региона на сохранение специфического природного и историко-культурного ландшафта, был увиден в подтекст, но статья, безусловно, содействовала переакцентированию типичной для официальных концептуализаций территории антитезы «нового» (Сибирь, измененная приходом цивилизации) и «старого» (природный мир и традиционные формы жизни).

²³ Залыгин С.П. Писатель и Сибирь... С. 97.

²⁴ Там же. С. 113–114.

²⁵ В советской культуре 1960–80-х годов существовала еще одна разновидность традиционалистской Сибири – в модифицировавших соцреалистическую традицию романах эпопейного типа (Г. Марков, А. Иванов, С. Сартаков и др.). Специфика интеграции историко-этнографического материала в позднесоветский нарратив «социалистической Сибири» рассмотрена в содержательной статье М. Литовской [19].

²⁶ «Образ Сибири <...> является вариантом символической мобилизации образа России в целом» и «“лакмусовой бумажкой” российской идентичности» [20, с. 47].

²⁷ Астафьев В.П. Нет мне ответа... С. 347.

Не будет преувеличением сказать, что язык «литературного областничества» [11, с. 6], оформлявшегося в 1960-е годы и в течение следующего десятилетия, был подчинен артикуляции консервативных смыслов. Верно и обратное: обоснование критичного отношения к идеологии глобальной преобразовательской деятельности сопровождалось изменением способов репрезентации сибирского региона. Традиционалистское видение Сибири²⁵ оказалось связанным с реабилитацией местных знания, опыта, культуры (того, что Дж. Скотт называл *мэтисом* и считал эффективным инструментом сопротивления «авторитарному социальному планированию» [18, с. 308]). Если культура, принесенная в Сибирь из центра ее преобразователями, понималась прежде всего как цивилизация, то для традиционалистов более важными оказались те смыслы понятия «культура», которые актуализировали идею самобытности и разнообразия жизненных форм.

Примечательно и другое: индивидуализация исторического и этнокультурного облика Сибири в прозе «деревенщиков» вовсе не отменяла традиционного метонимического переноса «Сибирь – Россия»²⁶. В данном случае центральная для «неопочвенников» ситуация распада традиции, гибели крестьянского мира, уничтожения природы осмысливалась преимущественно на сибирском материале, хотя художники были убеждены, что наблюдают всеобщие процессы, протекавшие в Сибири рельефнее, нежели в средней России. Более того, огромные размеры «пространной страны»²⁷ Сибири, где в пейзаже и климате словно материализовались представления о стихийной мощи мироздания, побуждали авторов

к дальнейшей генерализации ее культурно-географического образа. Так возникла особая онтологическая поэтика изображения региона [9]. Она не устраняла конфликтности внутренней и внешней точек зрения, но делала ее вторичной по отношению к попыткам автора само-

устраниться, дабы дать бытию возможность говорить. Главное же, что по природе своей подобный онтологизм противостоял и официальной идеологии покорения Сибири, и упрощенно-технологичному, утилитарному, подходу к этой территории.

Список литературы

1. *Анисимов К.В.* «Колонизационный» сюжет в прозе В.Г. Распутина и В.С. Маканина // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. Вып. 16. Мир и слово В. Распутина. М.; Иркутск, 2007. С. 124–138.
2. *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographic Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, 1999. 331 p.
3. *Схиммельпенник Ван дер Ойе.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. 424 с.
4. *Разувалова А.И.* Образ северного инородца в прозе В.П. Астафьева // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2013. № 4(24). С. 96–109.
5. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. 416 с.
6. *Живов В.* Двуглавый орел в диалоге с литературой // Новый мир. 2002. № 2. С. 174–183.
7. Форум Ab Imperio: обсуждение книги А.Л. Зорина «Кормя двуглавого орла...» // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 470–554.
8. *Слэзкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008. 512 с.
9. *Рыбальченко Т.Л.* Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_1.html (дата обращения: 29.06.2014).
10. Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 года: стенограф. отчет. М., 1956. 607 с.
11. *Анисимов К.В.* Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с.
12. *Вайль П., Генис А.* Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Шестидесятые. Мир советского человека. Екатеринбург, 2003.
13. *Левина А.* «Прошу принять меня в Сибирь» // Юность. 1956. № 7. С. 92–94.
14. *Прохоров А.* Унаследованный дискурс: парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». СПб., 2007. 344 с.
15. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиограф. слов. Т. 3. П – Я. М., 2005.
16. *Каминский П.* «Время и бремя тревог». Публицистика В. Распутина. М., 2012. 234 с.
17. *Ионин Л.Г.* Апдейт консерватизма. М., 2010. 304 с.
18. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М., 2005. 576 с.
19. *Литовская М.А.* Образ Сибири в советских романах эпопейного типа // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск, 2010. С. 174–193.
20. *Замятин Д.Н.* Социокультурное развитие Сибири и его образно-географические контексты // Проблемы сибирской ментальности. СПб., 2004. С. 45–59.

References

1. Anisimov K.V. “Kolonizatsionnyy” syuzhet v proze V.G. Rasputina i V.S. Makanina [The Colonization Topic in V.G. Rasputin’s and V. Makanin’s Prose]. *Tri veka russkoy literatury: Aktual’nye aspekty izucheniya. Вып. 16. Мир и слово В. Распутина* [Three Centuries of Russian Literature: Relevant Aspects of the Study. Vol. 16. The World and the Word of V. Rasputin]. Moscow, Irkutsk, 2007, pp. 124–138.

2. Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographic Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge, 1999. 331 p.
3. Schimmelpenninck van der Oye. *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. Northern Illinois University Press, 2006 (Russ. ed.: Skhimmel'pennink Van der Oye. *Navstrechu Voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voyne s Yaponiyey*. Moscow, 2009. 424 p.).
4. Razuvalova A.I. *Obraz severnogo inorodtsa v proze V.P. Astaf'eva* [Image of the Northern "Inorodets" in V. Astafiev's Prose]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*, 2013, no. 4 (24), pp. 96–109.
5. Zorin A.L. *Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* [Feeding the Double-Headed Eagle ... Literature and State Ideology in Russia During the Last Third of the 18th and First Third of the 19th Century]. Moscow, 2001. 416 p.
6. Zhivov V. *Dvuglavyy orel v dialoge s literaturoy* [Double-Headed Eagle in Dialogue with Literature]. *Novyy mir*, 2002, no. 2, pp. 174–183.
7. Forum Ab Imperio: obsuzhdenie knigi A.L. Zorina "Kormya dvuglavogo orla..." [Ab Imperio Forum: Discussion of A.L. Zorin's Book "Feeding the Double-Headed Eagle ..."]. *Ab Imperio*, 2002, no. 1, pp. 470–554.
8. Slezkin Yu. *Arkticheskie zerkala. Rossiya i malye narody Severa* [Arctic Mirrors. Russia and Ethnic Minorities of the North]. Moscow, 2008. 512 p.
9. Rybal'chenko T.L. *Mifologemy obraza Sibiri v russkoy proze vtoroy poloviny XX veka* [Mythologemes of the Image of Siberia in Russian Literature of the Second Half of the Twentieth Century]. Available at: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_1.html (accessed 29 June 2014).
10. *Vtoroy Vsesoyuznyy s"ezd sovetskikh pisateley. 15–26 dekabrya 1954 goda. Stenograf. otchet* [The Second All-Union Congress of Soviet Writers. 15–26 December 1954. Shorthand Notes]. Moscow, 1956. 607 p.
11. Anisimov K.V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of Poetics in Siberian Literature of the 19th and Early 20th Century: Peculiarities of Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Tomsk, 2005. 304 p.
12. Vayl' P., Genis A. *Sobr. soch.: v 2 t. T. 1. Shestidesyatye. Mir sovetskogo cheloveka* [Collected Papers: In 2 Vols. Vol. 1. The Sixties. The World of the Soviet Man]. Yekaterinburg, 2003.
13. Levina A. "Proshu prinyat' menya v Sibir'" ["Please Admit Me to Siberia"]. *Yunost'*, 1956, no. 7, pp. 92–94.
14. Prokhorov A. *Unasledovannyi diskurs: paradigmy stalinskoy kul'tury v literature i kinematografe "ottepeli"* [Inherited Discourse: Paradigms of Stalinist Culture in Literature and Cinema During the Khrushchev Thaw]. St. Petersburg, 2007. 344 p.
15. *Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi: biobibliograf. slov. T. 3. P – Ya* [Russian Literature of the 20th Century. Prose Writers, Poets, Playwrights: Biobibliographical Dictionary. Vol. 3. P – Ya]. Moscow, 2005.
16. Kaminskiy P. "Vremya i bremya trevog". *Publitsistika V. Rasputina* ["The Time and the Burden of Anxiety". Reading Rasputin]. Moscow, 2012. 234 p.
17. Ionin L.G. *Apdeyt konservatizma* [Conservatism Update]. Moscow, 2010. 304 p.
18. Scott J. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Yale University Press, 1998 (Russ. ed.: Skott Dzh. *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni*. Moscow, 2005. 576 p.).
19. Litovskaya M.A. *Obraz Sibiri v sovetskikh romanakh epopeynogo tipa* [The Image of Siberia in Soviet Epic Novels]. *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian Text in the National Plot Space]. Krasnoyarsk, 2010, pp. 174–193.
20. Zamyatin D.N. *Sotsiokul'turnoe razvitie Sibiri i ego obrazno-geograficheskie konteksty* [Sociocultural Development of Siberia and Its Image-Geographical Contexts]. *Problemy sibirskoy mental'nosti* [Siberian Mentality]. St. Petersburg, 2004, pp. 45–59.

Razuvalova Anna Ivanovna

Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

**TRANSFORMATIONS OF THE IMAGE OF SIBERIA IN RUSSIAN PROSE
OF THE 1950s – 1960s**

The article deals with some aspects of representation of Siberia in Russian prose during the 1950s – 1960s and their dependence on the ideological priorities that were proclaimed in different historical periods (Late Stalinism, Khrushchev Thaw). The article demonstrates how V. Astafiev and S. Zalygin turned from reproducing socialist realist clichés in their early works about Siberia to the polemics with the official ideology, which declared that the region had no historical or cultural traditions. The author of the article argues that the new vision of Siberia in Village Prose contributed to the emerging conservative trends in Soviet public life. At the fore of the author's analysis are the attempts of the writers to prove the value of the local experience and culture, criticize the widespread idea of Siberia being a colony and argue with films and books exoticizing this region. Moreover, in the 1960s, some writers (e.g. V. Rasputin) took interest in the indigenous peoples of Siberia and their ethnocultural traditions, which can indicate disappointment in the modernization project as a whole. Zalygin and Astafiev argue that industrial development of a region cannot prove successful without an understanding of its historical, climatic and social peculiarities and without regard to its economic and cultural needs. The writers remind of the concerns of the region, which may conflict with the aims of central institutions, thereby enhancing the development of some ideas of Siberian regionalism of the late 19th and early 20th centuries. Trying to challenge the official formula of the conquest of Siberia, these authors create an ontological approach to the representation of the region.

Keywords: *Socialist Realism, Khrushchev Thaw, "long 1970s", modernization discourse, Village Prose, Siberian theme, Siberian regionalism.*

Контактная информация:

адрес: 199034, Санкт-Петербург, Наб. Макарова, д. 4;

e-mail: rai-2004@yandex.ru